

Г. Ф. Одинцов

История старорусского военного термина «ручница»

История старорусского обозначения одного из видов огнестрельного оружия *ручница* (*рушница*), отразившего своим появлением и употреблением в русских памятниках письменности XVI—XVII вв. определенную веху в развитии тогдашней восточнославянской системы наименований огнестрельного оружия, не получила достаточного освещения в науке¹. Между тем судьба этого термина представляет большой интерес, особенно в плане наблюдений над явлениями исторической семантики.

По материалам Карготеки ДРС Института русского языка АН СССР, слово *ручница* встречается уже в грамоте царя Ивана IV воеводам П. Щеняеву и Д. Палецкому о посылке в Новгород из Москвы пищалей, пороха и т. д. (1555 г.): «Посылалъ есми къ вамъ наряду, три пищали² полуторные да пять девятипядныхъ, а ядеръ по сту къ пищали, а зелья противу ядеръ шестьдесятъ пудъ сорокового, да три пуды ручного зелья... да двадцать гривенокъ свинцу пушкаремъ къ ручницамъ на ядра; а пушкарѣ съ нарядомъ посланы съ Москвы... а у нихъ ручницы. А въ поддатни бы естя выбрали изъ чело-векъ, которыхъ выбралъ бояринъ Михайло Яковличъ Морозовъ на Москву къ наряду... которые бы стреляти умели и собою резвы... съ ручницами жъ, къ полуторнымъ (т. е. к полуторным

¹ Нет ни одной попытки историко-лексикологического описания этого термина; известное внимание ему уделяют лишь археологи-оружиеведы [8, с. 97; 12, с. 227—233; 13, с. 225—235; 22, с. 43].

² Слово *пищаль* здесь имеет значение «пушка».

пищалям — «пушкам» — Г. О.) по два поддатня, а къ девятипяднымъ (пушкам — Г. О.) по одному поддатню... [9, с. 132]³.

Цитированный текст выразителен во всех отношениях. Прежде всего, ясно, что слово *ручница* здесь имеет значение «ручная пищаль»: такими пищалями вооружены находящиеся при пушках, названных в тексте пищалями, пушкари и их помощники для отражения возможного нападения противника или грабителей с целью захвата этих пушек. Двухзначное в тексте существительное *ядра*, упоминаемое в связи с *ручницами* (а не *пищалами* — «пушками»), означает «пули».

Любопытно и условия появления слова *ручница* в русской письменности. Существительное *пищаль* в значении «пушка» встречается не только в цитированном, но и во многих других, в том числе более ранних памятниках письменности. Ср., например, запись, отлитую на пушке, которая изготовлена еще в 1485 г. и хранится в Артиллерийском историческом музее в Ленинграде: «зделана бысть сия пищаль в лете...» (6993 г.) и т. д. В значении же «ручное огнестрельное оружие» слово *пищаль* известно в русской письменности в явно более поздних памятниках, чем в значении «пушка», причем в первом своем употреблении старорусский термин *пищаль* не случайно сопровождается определением «ручная»: в грамоте Ивана Грозного от 1545 года велено собрать новгородскому воеводе 1 000 конных и столько же пеших воинов — «да у тех бы пищальников у конных и пеших, у всякого человека было по пищали ручной» [4, № 205]⁴. Этот факт закономерен: первоначально огнестрельное оружие в Евразии было, как известно, не ручным, а легким артиллерийским; ручное же оружие обособляется от него позднее. Потребность в соответствующем термине в русском языке реализовалась возникновением составного термина *ручная пищаль*, которому вскоре — через каких-нибудь 10 лет — стали предпочитать однословный термин *ручница*, как в цитированной записи, сделанной в 1555 году.

Знаменательно, что первое употребление терминов *ручная пищаль* и *ручница* связано с Новгородом (см. выше), находившимся на территории, которая была расположена в непосредственной близости от Польско-Литовского государства в XVI—XVII вв.

В польском же, по материалам польских исторических словарей, данный термин в двух графико-фонетических формах — *rusznica* и *rusznica*, в полном соответствии с приведенными

³ У Срезневского термин приводится лишь в контексте из памятника 1579 г.: «Учали бить насмерть и стрелять из луковъ и изъ рушницъ». В «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина (М.; Л., 1937) *ручница* (и *рушница*) отсутствует.

⁴ Именно это упоминание о ручной пищали считает древнейшим в русской письменности Е. В. Мышковский, не приводящий, впрочем, данного контекста в своей работе «Стволы русского огнестрельного оружия...» [13, с. 235].

старорусскими вариантами *ручница* и *рушница* — известен уже с 1473 г., т. е. раньше, чем в русском, украинском⁵ и белорусском языках. Старобелорусское слово *ручница* «мушкет», заведительствованное в текстах лишь с 1510 г., пришло из польского языка [5, с. 51], в котором, в свою очередь, слово *rusznica*, как справедливо отмечает А. Брюкнер, восходит к фонетически тождественному чешскому термину, имевшему значение «огнестрельное оружие, которое при стрельбе могло держаться в руках», «ружье». Если бы польский термин был исконным, не заимствованным из чешского, то в нем имелся бы носовой гласный корня *рук-(а)*, восходящий к праславянской эпохе.

По-видимому, и старорусское слово *ручница* (и *рушница*) было либо заимствовано из польского, либо возникло на базе словосочетания "ручная пицаль" под влиянием польского термина; при этом не исключено белорусское посредничество, особенно если иметь в виду хотя бы часть употреблений старорусского слова *ручница*.

Достоинна внимания близость внутренней формы славянского, первоначально чешского названия ручницы и немецких терминов *das Handgewehr, das Handrohr*, т. е. само чешское название ручницы, возможно, возникло не без влияния немецкого языка.

Термин *ручница* — далеко не единственное обозначение огнестрельного оружия, заимствованное поляками, а через их посредничество восточными славянами из чешского языка. Ср. восточнославянский оружейный термин *пицаль*, польск. *piszczal* из чешского названия того же оружия; ср., далее, русское *гаковница*, польское *hakownica* из чешского *hakownica* «артиллерийское орудие»; русское *гафуница*, восходящее в конечном счете к чешскому названию артиллерийского орудия *houfnice*. Это поразительное сходство русской, польской и чешской военной терминологии объясняется влиянием чехов, достигших высокого уровня развития военного искусства в эпоху Гуситских войн 1419—1437 гг. [23, с. 18; 10, с. 63; 11, с. 111].

Действительно, пехота гуситов располагала такими видами огнестрельного оружия, которые впоследствии стали известны восточным славянам под названием *ручниц, пицалей, гаковниц*, по данным чешских энциклопедических словарей, что хорошо согласуется с утверждениями польских историков, относящих, в частности, начало активного использования оружия типа ручницы в Европе — за пределами Чехии — ко второй половине XV века, т. е. к тому времени, когда гуситы уже выступили на исторической арене [6, с. 210].

⁵ Необходимо отметить отсутствие этого термина в известном Словаре староукраинского языка XIV—XV вв. и его наличие и активность употребления в современном украинском языке: *рушниця* «огнестрельное ручное оружие». В связи с этим любопытно, что имело в южных районах России В. И. Даль зафиксировал произношение термина, близкое к укр.—*рушница*.

Проследим теперь дальнейшую судьбу слова *ручница* в русском языке. В 60-х и особенно 70—80-х гг. XVI века количество употреблений его в памятниках письменности быстро растет. Слово попадает в писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг. (л. 3—КДРС), в приходо-расходные книги Волоколамска — № 2, л. 10 об. 11, 1573—1574 гг. (там же), в памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским 1571 г. [18, с. 807], в расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1581—1582 гг. [14], в деловую письменность, касающуюся Кавказа 1586—1587 гг. [21, с. 10], в документы московские (Дополнения к Актам историческим. 1, 230. 1592 г.), псковские (Сборник Моск. Архива Министерства юстиции, т. VI, 458, 1585 г.) и т. д., что свидетельствует о широком территориальном распространении термина.

По-видимому, слово *ручница* (также *рушница*) стало к концу XVI в. на Руси повсеместно употребительным. О высокой активности слова можно судить по возникновению производного от него прилагательного *ручничный*, впервые появившегося в памятниках западной ориентации (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, к. XVI в., сп. нач. XVII в., с. 146). Слово проникло не только в деловую, но и в литературно-художественную речь: «Овии же из ручниц стреляюще, инии же каменнем литву побивающе...» [16, с. 77].

В XVII в. таких по характеру текстов, содержащих слово *ручница*, становится больше: 1) «изрядных самопалов и рушниц, колей же ни кордовъ... и всяких запасов множество во град внесоша» (1620 г.) [20, с. 156]; 2) «И князь Данила поймав княгиню Марью Борисову и повеле повести надградные ворота и прострелять... из ручниц пулки свинцовыми» (Пов. о начале Москвы (2), с. 333, вт. пол. XVII в.—КДРС); ср. еще: Пов. о Скандербеге, XVII в., с. 50—там же.

В целом же в памятниках русской письменности XVII в. количество употреблений слова *ручница* становится меньшим, чем в текстах XVI в., судя по материалам КДРС, а также по тому, как часто встречалось автору настоящей статьи рассматриваемое здесь слово в обследованных им памятниках письменности.

Обратимся к семантике термина. В большинстве контекстов *ручница* — это «ручное огнестрельное оружие», например: «А стрельцы стояли съ самопалы и съ ручницами, отъ середние лесницы и до Фроловских воротъ» (Посольство Брехова. 1615 г. 414—415); «да туто жъ быть 3 человекомъ съ ручницами». 1609 г. (Акты исторические, т. 2, Спб., 1841, с. 312). Изредка, однако, встречаются контексты, в которых *ручница* означает оружие типа затинной пищали, употребляясь при этом с определением *затинный*: «Пушечки и пищали и затинные ручницы поделати» [19, с. 3].

Вероятно, ручницы были различных размеров: упоминаются

рушницы невеликие («пищаль затинная переломлена, да 14 рушницъ невеликихъ»). 1608 г. [1, с. 342], малые («3 пищали затинных да 9 рушницъ малыхъ». 1608 г.) [1, с. 332], ручницы разные («... оружия литовского, изрядных нарочитых самопалов и ручниц разных... в город внесоша») [16], ружницы долгиe и мелкие («шестнадцать ружницъ долгихъ да мелкихъ сто сорокъ». Отписка царю от дьяка И. Митусова из Чердыни. 1614 г.) [2, с. 8], где отметим попутно озвончение *ш* → *ж* в слове *ружница*, возможно, под влиянием слова *ружье* «оружие».

Возможно, приведенные здесь словосочетания прилагательных с существительными *ручница*, *рушница*, *ружница* привлекут внимание археологов-оружиеведов, обычно стремящихся к однозначности определения интересующего нас термина и самой реалии, им обозначаемой, например: *ручница* — «фетильное русское ружье с коротким стволом». У историков есть даже разногласия по вопросу о том, длинные или короткие стволы были у ручниц⁶. Привлечение при исследовании лексического материала и разных словосочетаний делает такую категоричность в решении вопроса неоправданной.

Все более утрачивая былую активность, термин *ручница* уже совершенно отсутствует в весьма упорядоченной и удивительно правильной по языку Описной книге Московской Оружейной палаты 1687 г. [17], где из всех видов оружия наиболее объемно (почти на двухстах листах) описаны именно те ручные пищали, которые в быту нередко именовались в XVII в. *ручницами*. Это означает, что термин *ручница* тогдашние русские специалисты и знатоки оружия считали неуместным приводить в данной книге, находя его по каким-то соображениям неудачным. Заметим, что и в более ранних реестрах предметов Оружейной палаты, дошедших, впрочем, до нас в рукописных фрагментах, термин *ручница* нами не обнаружен⁷.

В XVIII в. термин *ручница* время от времени еще продолжал употребляться, но неактивно. В Картотеке Словаря русского языка XVIII в. термин представлен в трех текстах («И взяли... съ хлопцовъ два плаща и турецкую ручницу». Докл. в Сенате, VI; 1, 1716, № 307, 266; «О делании на тульскихъ оружейныхъ заводахъ казакамъ малороссийскихъ полковъ 10 000 ручницъ». ПСЗ, IX, № 7100, 973; «Въ 1693 г. при-

⁶ Е. В. Мышковский в работе «Соловецкая ручница» [12, с. 227—231] в частности пишет: «...нельзя согласиться с М. Э. Портновым, который характеризует русские ручницы как длинноствольные фитильные ружья... Наоборот, ручницы представляют собой короткоствольные фитильные ружья». Вероятно, судя по встречающимся определениям *невеликая*, *малая*, *мелкая* и лишь один раз встретившемуся автору настоящей статьи определению *долгая*, ручницы действительно часто были короткоствольными, хотя, конечно, не всегда: очень уж красноречивы прилагательные *разные* и *долгие* (*ручницъ*).

⁷ Нет этого термина и в известной описи оружия Бориса Годунова 1588 г.

сланы были еще две медных пушки, да къ нимъ 200 ядеръ железных, 10 ручницъ, пороху 21 пудъ». Лепех. Путеш., IV, 69⁸ и пяти выписках из словарей. В САР 1789—1794 гг. *ручница* толкуется как «винтовка, пищаль» с пометой "стар."

В русском литературном языке XIX в. термин *ручница* превратился в историзм. В этом качестве он и был использован писателем М. Н. Загоскиным в романе «Брынский лес» (ч. I, гл. 10): «Надетая через плечо берендейка, или ремень, с привешанными к нему деревянными патронами, и привязанная к седельной луке ручница, т. е. ручная короткая пищаль, доказывали, что он [Ферапонт]... мог бы, в случае нужды, биться с врагом — как говорили в старину — огненным боем».

Каковы же причины исчезновения слова *ручница* из русского языка? Вопрос этот лишь в какой-то мере проясняется при учете того, что некоторые употребления этого термина (в отдельных случаях при упоминании винтовальной, или винтованной, не гладкой ручницы), вероятно, были поглощены употреблением слова *винтовка*, отмеченного в русских текстах уже со второй половины 40-х гг. XVII в. (впервые — в Якутских актах, кар. 7, № 10, сст. 43, 1647 г., в составе словосочетания *пищаль-винтовка*, по данным КДРС). Замена составного термина *ручница* винтованная на однословный — *винтовка* — встретила нам, что настораживает, единственный раз: «Да у техъ же будто крестьян (смоленских крестьян Омельяна Игнатова и Василия Шагиры.—Г. О.)... воры взяли ручницу винтованную цена два рубли, да пороховница цена полтина, да саблю польскую... да бердышъ да топорь... техъ воровъ велено сыскать, и винтовку съ пороховницею и саблю и бердышъ, и топорь, сыскать у техъ воровъ, отдать Омельке съ товарищи» (Письмо к доробужскому капитану Яну Храповицкому от вяземского воеводы князя Прозоровского. 22.1.1649 г.) [3, с. 26—27].

Вопрос о причинах исчезновения слова *ручница* из русского языка не проясняется от того, что оружие типа ручниц использовалось в Европе лишь до начала XVII в. [6, с. 210], потому что несмотря на это исчезновение самой реалии в Европе, термин, обозначавший ее, сохранился (в значении «ружьё») в чешском, украинском и польском языках (польск. *rusznica* в сочетании со словом *przeciwpancerna* имеет значение «мушкет», см., например, [7]).

Знаменательно, таким образом, что слово *ручница* в соот-

⁸ В действительности термин *ручница* употреблялся в XVIII в. несколько шире, но это существа дела не меняет: слово явно выходило из речевого обихода и сохраняло некоторую активность употребления лишь на окраинных территориях Русского государства, как, например, в грамоте азовского воеводы к крымскому хану 11.1.1702 г., где говорится о событиях декабря 1701 г.: «на томъ бою... кубанские татары... взяли у них, казаковъ, тритцать четыре лошади, тритцать телегъ, шесть ручницъ...» [17, с. 52].

ветствующих огласовках и написаниях сохранилось в живой речи только там, где оно приобрело значение «ружье». Ср., помимо приведенных чешского, польского и украинского терминов диалектное русское (волог.) *ручница* (Дилакторский, 1902.—КСРНГ), сольвычегодск. *ручница* (у В. Даля), наконец, известное на Юге России, а также в Сигнахском и Телавском уездах Тифлисской губернии (Михайлов Б. Ф., 1909 г.) *рушница* — все с семантикой «ружье». Правомерно предположить, что какое-либо одно или два — три слова, по той или иной причине ставшие активно употребляться в значении «ружье», вытеснили тем самым из речевого обихода слово *ручница*.

Прежде всего, нельзя не отметить, что употребление слова *ручница* было сильно поколеблено тем, что термин *пищаль* во второй половине XVII столетия, обнаруживая сильную тенденцию к однозначности, стал в огромном большинстве случаев употребляться в значении «ручное огнестрельное оружие», явно утрачивая семантику «пушка». В этих условиях ввиду того, что исчезла актуальность противопоставления артиллерийской *пищали* и *ручной*, слово *ручница* становится все менее нужным.

Старорусские памятники письменности отразили взаимодействие синонимов *ручница* (*рушница*) и *пищаль* с заменой первого термина вторым в ряде случаев, начиная уже с первого десятилетия XVII в. Ср.: 1) «Башня... А в той башне в подошвом бою 2 *пищали* затинных, затинщики к ним Лукьянко портной мастер да Деменко портной мастер. Да туто ж 3 человека с *рушницами* посацких людей Воскресенской сотни»; 2) «Да в том же бою 2 *пищали* затинных, затинщики к ним Офона Третьяков сын Ломаков, Ивашко Семенов сын Стрыгольников да 2 человека с *пищальми* посадцких людей Воскресенской сотни»; 3) «В подошвом бою 2 *пищали* затинных, а к затинным 2 человека дорогобужских затинщиков. Да туто ж быти посадцким людем 4 человеком с *рушницами* Вязовенской сотни. В среднем бою *пищаль* затинная и к затинной дорогобужской затинщик да 4 человека с *пищальми* посадцких же людей Вязовенской сотни. Смоленск, 27.VIII.1609 г. [15, с. 142—144]. Выделенное нами в этих контекстах слово *пищаль*, употребленное на месте существительного *рушница*, обозначает именно ручное огнестрельное оружие: если слово *пищаль* в данном памятнике имеет значение «артиллерийское орудие», то обязательно указывается количество ядер при нем, величина ядра, длина ствола.

Не оспаривая важную роль слова *пищаль* в вытеснении им термина *ручница*, подчеркнем, однако, что и само слово *пищаль* «старинное ружье», как и *ручница*, уже с начала XVIII в. встречается в русских текстах все реже и реже. На некоторое время (лет на 15 в начале XVIII в.) возрастает активность употреб-

ления названия ружья *фузея*,— слова, известного в русской письменности еще с 80-х гг. XVII в.

Но и *ручница*, и *пищаль* утрачиваются потому, что оттесняются новыми военными все более активными терминами *винтовка* (в отдельных случаях; с середины XVII в.) и *ружье* (XVIII в.). Последнее известно в XVII столетии в значении «оружие», будучи образованным некогда от слова *оружье* путем отпадения начального гласного в условиях аканья. Установлено, что уже с начала XVIII в. термин *ружье* в современном нам значении употребляется все шире и шире, а со второй половины XVIII в. окончательно утверждается в значении «ружье» в русском языке [24, с. 309—310].

Таким образом, старорусский термин *ручница* был вытеснен преимущественно двумя названиями ружья — *пищаль* и *ружье* (отчасти словами *винтовка* и *фузея*), причем существительное *ружье* здесь сыграло весьма важную роль.

Естественно возникает вопрос: почему именно слово *ручница* оказалось нежизнеспособным по сравнению с терминами *пищаль* и особенно *ружье*, а не наоборот? В исторической лексикологии хорошо известен тот факт, что чем древнее слово, тем у него больше возможностей к выживанию и сохранению в языке по сравнению с менее древним (например, заимствованным) словом при прочих равных условиях бытования их обоих у того или иного народа. Если в чешском языке термин, обозначающий ручницу, был известен лет на 200 раньше, чем в русском, то понятно, что он оказался там жизнеспособнее, чем в русском, где он «уступил позиции» исконному новообразованию *ружье* с древним праславянским корнем. Более давней является история этого термина «ручница» — в соответствующих огласовках — также в польском и украинском языках, чем в русском.

Список использованной литературы

1. Акты времени правления царя Васнлия Шуйского 1606—1610 гг.— М., 1914.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Спб., 1841.— Т. 3.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— Спб., 1862.— Т. 3.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук.— Спб., 1836.— Т. 1.— № 205.
5. Булыко А. Влияние польского языка на развитие старобелорусской военной лексики — *Rocznik Slawistyczny*, t. XL, cz I. Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk. Wroslaw — Kraków — Gdansk, 1980.
6. *Wielka encyklopedia Powszechna*. Panstwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, t. 10, 1967.
7. Гессен Д., Стыпуля Р. Большой польско-русский словарь.— М.; Варшава: Советская энциклопедия; Ведза Повшехна, 1967.
8. Денисова М. М., Портнов М. Э. Русское оружие: Краткий определитель русского оружия XI—XIX вв.— М.: Изд-во культ.-просвет. лит., 1953.— 166 с.

9. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией.— Спб., 1846.— Т. 1.

10. Кирпичников А. Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // Советская археология.— 1957.— № 3.

11. Мельников Е. И. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков в XIV—XIX вв.— Slavia, г. 36, s. 1. Vydává Československá akademie věd v nakladatelství Academia, 1967.— S. 98—114.

12. Мышковский Е. В. Соловецкая ручница // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея.— Л., 1959.— Вып. 4.— С. 227—241.

13. Мышковский Е. В. Стволы русского огнестрельного оружия XV—XVI вв. // Советская археология.— 1961.— № 1.— С. 225—235.

14. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство.— Спб., 1910.— Т. 1.— Вып. 2.

15. Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. /Под ред. Ю. В. Готье.— М., 1912.

16. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.— 132 с.

17. Рукопись ЦГАДА, фонд 396, опись II, № 936, 704 л.

18. Сборник русского исторического общества.— Спб., 1892.— Т. 71.

19. Сибирские летописи.— Спб., 1907.

20. Сказание Авраамия Палицына.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.— 344 с.

21. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым.— М., 1889.— Вып. 1.

22. Тарасюк Л. И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI—XVII веков: Дис. ... канд. истор. наук /ЛГУ.— Л., 1965.

23. Урбанек Р. Гуситское военное искусство и Европа.— Прага, 1946.

24. Чичагов В. К. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружьё» //— Учен. зап. /МГУ. 1952.— Вып. 150.— С. 283—310.